

ББК 63.3(5Каз)

*С.В. Баитанник***Взаимодействие оседло-земледельческих
и кочевых сообществ в средневековом Южном Казахстане***S.V. Bashtannik***Interaction of Settled-Farming and Nomadic Communities
in the Medieval South Kazakhstan**

Статья посвящена особенностям взаимоотношений оседло-земледельческих и кочевых скотоводческих обществ в социально-экономической структуре средневековой среднеазиатской цивилизации. Скотоводство и земледелие показаны как элементы единой экономической и культурной системы. Используются археологические, этнографические, исторические источники.

Ключевые слова: земледелие, скотоводство, комплексная экономика, культурное взаимодействие.

Южный Казахстан характеризуется наличием пустынных, оазисных и горных ландшафтов, в которых развивались разные типы хозяйства. Кочевники жили как на периферии, так и внутри земледельческих оазисов. Между земледельцами и скотоводами шел постоянный обмен опытом и хозяйственными навыками. Это привело к созданию комплексного хозяйства, сыграло большую роль в сложении культуры области, оказало влияние на проходившие здесь этногенетические процессы.

В археологической и этнографической литературе выделяются три типа производящей экономики: кочевое «номадное» скотоводство в степной зоне, яйлажное полукочевое скотоводство с элементами оседлости и земледелия в предгорной зоне, и земледелие, центрами которого были города или более мелкие поселения, расположенные в предгорной зоне у водных источников или на трассах ирригационных систем [1, с. 8–11, 136–149]. Оседлое население имело избыток земледельческой продукции, полуоседлые кочевники обладали ею только в пределах, необходимых для обеспечения собственных потребностей, «чистые» кочевники-номады не имели ее вовсе. В городских центрах не все население было связано с земледелием: исключение составляли ремесленники, администрация, воины, служители культа. Разнообразие хозяйственной деятельности населения приводило к установлению прочных связей между отдельными районами, а ее специализация – к формированию экономических районов, центром которых становились город или селение, в котором находился рынок. Перераспределение земледельческой и скотоводче-

Article is devoted to the peculiarities of relations between settled farming and nomadic cattle-breeding societies in socio-economic structure of medieval Central Asian civilization. Cattle-breeding and agriculture are shown as elements of a common economic and cultural systems. Archaeological, ethnographic and historical data are used.

Key words: agriculture, cattle-breeding, complex economy, cultural interaction.

ской продукции происходило не только путем торгового обмена, но и посредством внеэкономического государственного принуждения: например, налоги в натуральной форме, содержание и фуражировка воинских контингентов.

В средние века вся Среднеазиатско-Казахстанская историко-культурная провинция являлась ареной взаимодействия двух хозяйственных зон и культурных миров: кочевников-скотоводов (саки, массагеты, тюрки) и оседлых земледельцев, создавших древнее и средневековое Хорезмское государство, Парфянское царство, Бактрию, Согд, Маргиану, средневековую мусульманскую среднеазиатскую цивилизацию. Это определялось территориальным разделением труда, торговым обменом между земледельческими оазисами и обширными пастбищно-животноводческими территориями пустынь и степей.

В I тысячелетии н.э. материальная культура кочевников достигла самого высокого уровня, получили распространение легкое разборное жилище с решетчатым остовом, жесткое седло со стремянами, различные виды легкой и прочной утвари из кожи, дерева, металла и войлока [2, с. 9].

Изучение истории комплексного хозяйства, рассматриваемого в противопоставлении «кочевой оседлый», является односторонним в том смысле, что кочевой мир представлен как отсталый, менее развитый по сравнению с оседлым, и обязан своим развитием оседлым соседям. Уходящее корнями во времена Античности представление о варварах-кочевниках укоренилось в науке, стало аксиомой, не требующей доказательств. С XIX в. установилось

предвзятое мнение, согласно которому только оседлые народы создали прогрессивную цивилизацию, а в Центральной Азии будто бы царили либо застой, либо варварство и дикость.

Во II тыс. до н. э. местные степные коллективы жили еще оседло, и некоторые из них широко практиковали земледелие и оседлое скотоводство. Но жестокая засуха середины I тыс. до н.э. вызвала около водоемов дефляцию нарушенного почвенного слоя, прикрывавшего песок. Пришлось перейти на скотоводство, а так как травы в засушливые эпохи было мало, то надо было перегонять скот туда, где она есть. Перейдя к кочевому образу жизни, люди изменили свой быт и деятельность в соответствии с условиями природы.

Хозяйство продолжало оставаться комплексным, при этом одни виды деятельности занимают подчиненное положение, тогда как другие становятся основными способами жизнеобеспечения. У кочевников, помимо их основной скотоводческой деятельности, развивались и другие виды хозяйствования.

Так, земледелие практиковали саки, хунны, тюрки и уйгуры. К археологическим находкам, датируемым I в. до н.э. – I в. н.э., относятся остатки древних оседлых поселений эпохи хань, что указывает на начало у хуннов частичного перехода к оседлости. Сопоставление находок с упоминаниями о неурожае и саранче, истребившей посевы проса, дает возможность заключить, что наряду со скотоводством хунны начали осваивать земледелие [3, с. 130–131]. Аналогичная ситуация наблюдалась в Южном Казахстане.

В раннем железном веке, известном как «период ранних кочевников» (сакский период VI–II вв. до н.э. и усуньский период (кангюйский в присырдарьинском регионе) II в. до н.э. – IV–V вв. н.э.), существовали две экономические системы: полуоседлое земледелие с элементами кочевого скотоводства и полностью кочевое скотоводство с перекочевками на длинные дистанции. Материалы о начальных этапах земледелия у усуней получены при раскопках поселений в горах Тянь-Шаня. На одном из них – поселении Актас-II (V–VI вв. н.э.) в ущелье Курайлы произведены раскопки и получены свидетельства наличия земледелия – каменные мотыги для обработки почвы и бронзовый серп. Вблизи поселения прослежены остатки примитивных ирригационных сооружений – арыков для полива небольших участков. Данные письменных источников не только подтверждают археологические наблюдения, но и сообщают о наличии у усуней городов [4, с. 69–78].

Переходу к оседлости способствовал особый тип кочевания – вертикальный. Скотоводство здесь носит характер вертикально-полукочевой формы и предполагает переходы с летних на зимние пастбища на 50–150 км между пустынями и полупустынями Прибалхашья и высокогорными долинами Тянь-Шаня.

Появление оседлых поселений в Средневековье на Средней и Нижней Сыр-Дарье и в западном Семиречье происходит в VI–VIII вв., в восточном Семиречье – в конце VIII в.

Средневековая оседло-земледельческая культура северо-восточного Семиречья сформировалась позднее из-за следующих причин: во-первых, удаленности этого района от городских центров Средней Азии; во-вторых, отсутствия или слабого развития до X–XII вв. транзитных торговых путей, которые в VII–X вв. и последующее время проходили через Чуйскую долину по южному берегу оз. Иссык-Куль через перевал Бедель в Аксу. Наблюдаемый хронологический разрыв между оседло-земледельческими памятниками древних усуней и средневековыми поселениями объясняется теми же обстоятельствами, которые вызвали кризис оседлости и городской жизни Семиречья после монгольского нашествия и прежде всего массовым переселением сюда кочевых племен.

Поселения, возникшие в VIII–X вв., занимали самые удобные для земледелия предгорья и выгодное стратегическое положение, контролируя проходы на высокогорные летние пастбища. Такие городища, как Талгар, Чилик, Оххум, Орнек и другие, стоят у горных перевалов, соединяющих Илийскую долину с Чуйской. Это были кочевые ставки, которые явились основой формирования городов, что характерно для районов, населенных полуоседлым и переходящим к оседлости населением.

В Средневековье уже не только вертикальное кочевание, обусловленное природно-географическими условиями, способствовало оседанию кочевников, но и ряд социально-экономических факторов. Они нашли отражение как в письменных источниках, так и в типологических особенностях археологических памятников.

Представление о седентеризации кочевников, переходе к комплексному хозяйству и возникновению поселений тюркских скотоводческих племен во второй половине I тыс. н.э. дает автор X в. Мухаммед Нершахи в сочинении «Тарих-и Бухара» («История Бухары»): «Люди, приходившие сюда из Туркестана, селились в этой области потому, что здесь было много воды и деревьев, были прекрасные места для охоты; все это очень нравилось поселенцам. Сначала они жили в юртах и палатках, но потом стало собираться все больше и больше людей, и переселенцы стали заводить постройки...» [5, с. 18].

Расширение оседлости показано источниками XV в. В одном из них, например, население Сыгнакского вилайета (Средняя Сыр-Дарья) четко подразделено на «аймаков» – кочевое смешанное население, переходящее к оседлости; «дихнишин» – людей, живущих в селениях постоянно; «кишлакнишин» – живущих в зимовках; «сахранишин» – продолжающих кочевать. Причем отмечено увеличение первых, как

и городского населения, за счет осевших казахов. Как это происходило?

Зажиточным скотоводам было невыгодно расставаться со своим привычным занятием, которое давало им излишки скота для сбыта и обмена. Кочуя со своими многочисленными стадами на большие расстояния, они занимались земледелием как подсобным промыслом. Посеяв хлеб на призимовочных участках, они отправлялись в дальние кочевья и возвращались к своим полям не ранее 60 дней, т.е. ко времени сбора урожая. Эта традиция устойчиво бытовала и позднее. А. Левшин в начале XIX в. писал, что казахи «кочуют около пашен своих до того времени, пока хлеб спеет». Земледельческий труд (полив, охрана посевов и пр.) лежал на бедняках (джатаках), которые отрабатывали свою задолженность зажиточному сородичу, пользуясь в своем хозяйстве его инвентарем и рабочим скотом.

Земледелие в Южном Казахстане в конце XVII – первой четверти XVIII в. не было основной отраслью хозяйства всего казахского населения, занимавшегося преимущественно кочевым скотоводством. Но оно уже в это время становится основным занятием джатачества, оторвавшегося от кочевничества. Джатаки, проживавшие около своих зимовок, создавали небольшие очаги оседлости.

Средневековый арабоязычный автор Масуди констатирует, что огузы Приаралья делились на кочевых и оседлых. Огузам в низовьях Сыр-Дарьи принадлежали города Джанд, Янгикент, Джуvara и в среднем течении – Карнак, Сюткент, Фараб, Сыгнак, Сауран. Их основными жителями были ятуки (джатаки). По определению Махмуда Кашгари, «вид огузов, который живет в их городах, не переезжает в другие места и не воюет, называется ятук, то есть заброшенные, ленивцы» [6, с. 21].

Но если джатаку удавалось обзавестись некоторым количеством скота, он снова начинал кочевать, время от времени возвращаясь к своему хозяйству на зимовке. «Только безвыходная бедность может заставить кайсака обратиться к хлебопашеству, которое он оставляет при малейшей возможности обойтись без него», – писал В. Старков, отметив устойчивость этой древней традиции [7, с. 102]. Но здесь выступает и другое: обеспечение скотом ведет к возврату в кочевое состояние. Это явление свидетельствует не только о взаимосвязанности кочевого и оседлого хозяйства, но и о глубокой консервативности кочевого скотоводства. Ведь по существу развитое кочевое скотоводство в условиях патриархально-феодалного Казахстана было возможно лишь при наличии большого количества скота, расширенное воспроизводство которого неминуемо вело к захвату обширных и лучших пастбищ и к эксплуатации широких масс основных производителей путем поборов скотом. Чистое кочевание было привилегией только узкого круга очень богатых скотоводов, располагавших большими стадами овец и

лошадей, остальным же приходилось вести комплексное хозяйство.

Археологически оседание кочевников и их переход к земледелию зафиксирован в размещении и топографических особенностях некоторых памятников.

Для сырдарьинского региона характерна перемешанность оседлых поселений и огромных курганных могильников, расположенных в непосредственной близости от них, и сходство материальной культуры по находкам артефактов с городищ и курганов.

Так, городища Джуван-тобе и Караспан-тобе расположены в непосредственной близости Боржарского курганного могильника и отделены от него руслом древнего арыка. Оба городища расположены в Ордабасинском районе Южно-Казахстанской области, около аула Кольтоган, в среднем течении реки Арысь. Городище Джуван-тобе отождествляется с Субаникентом – главным городом области Кенджде. Область Кенджде, по определению В.В. Бартольда, находится в среднем течении Арыси. Это двухчастное городище с кольцевым рабадом состоит из высокого бугра в центре (цитадель) и рабада. В 1950-х гг. на городище работала Южно-Казахстанская археологическая экспедиция под руководством Е.И. Агеевой и Г.И. Пацевич, которые отмечают находки зерновок ячменя и проса (без видового определения), а также семян дыни.

О значении земледелия говорит находка сосуда, при украшении которого был использован оригинальный способ орнаментации – прокатка сосуда в полусыром состоянии по плоскости, покрытой остатками плодоножек виноградных ягод, что говорит о развитии виноградарства. А наличие крупных сосудов с несколькими отверстиями на их стенках говорит о развитии виноделия [8, с. 25–30].

В последние годы на городищах для археоботанического анализа было отобрано несколько проб. Интересны находки риса. Но наиболее вероятно, что земледелие основывалось на возделывании двух злаков – проса и ячменя. Во всех изученных слоях на обоих памятниках присутствует горох и другие культурные бобовые. Обращает на себя внимание большое количество семян винограда. Морфологически они делятся на две группы: более мелкие, округлые (винные сорта) и более крупные и вытянутые – столовые сорта. По мнению известного ботаника П.М. Жуковского, близлежащие горы Каратау входят в ареал распространения дикого винограда и в зону введения в культуру этого вида.

Дикие и сорные виды могут использоваться для реконструкции палеоландшафтов и оценки степени антропогенного влияния на природу. В слоях городищ встречен водный перец и другие виды семейства гречишных, которые предпочитают влажные местообитания и произрастают на берегах водоемов. Их наличие указывает на достаточную увлажненность

в округе городища. Обнаружены также воробейник полевой – растение, характерное для пастбищных лугов, присутствие которого указывает на выпас скота в округе городищ; верблюжья колочка и дикие бобовые; гадючий лук – растение сухих местообитаний, рудеральное, т.е. произрастает на засоренных или заброшенных местах, подвергшихся антропогенному воздействию; бузина черная – рудеральный кустарник, произрастающий на заброшенных местах, подвергнутых антропогенному воздействию; марь белая – сорное растение-космополит, произрастающее на засоренных или заброшенных местах, подвергшихся антропогенному воздействию – на свалках, перекопанной почве, руинах.

К.М. Байпаковым был выделен особый тип городищ – «торткуль», который позволяет проследить развитие оседло-земледельческой цивилизации с самой ранней ее стадии – начиная от кочевья. Несколько таких торткулей расположено в Таласской долине – городища Оххум, Таймакент, Кырккыз, Орнек. Раскопки проведены на одном из них – городище Орнек, расположенном в 6 км к югу от одноименного села, на р. Алтынсу в ущелье Солутор. Городище отождествляется со средневековым городом Куль-Шуб, упоминания о котором есть в сочинениях Ибн-Хордадбега и Ал-Идриси. Обнаружены мечеть «столпного» типа, мавзолей, казармы, остатки мощных укреплений, указывающих на то, что Куль-Шуб (Орнек) являлся ставкой кочевого правителя [9, с. 110].

Сходны с постройками Орнека жилые и хозяйственные помещения, исследованные Т.В. Савельевой на Талгарском городище в предгорьях Заилийского Алатау [1, с. 61–85]. Близка планировка домов, в строительстве которых применялся камень. Характерная особенность планировки городской усадьбы – комплекс жилых построек с большим двором – загоном для скота. В предгорьях Заилийского Алатау и Центрального Тянь-Шаня такая планировка известна с первых веков нашей эры. В усуньском поселении Актас II (III–V вв.) раскопаны жилые и хозяйственные помещения, а также загон для скота, сложенные из камня на глиняном растворе. Камень широко применяется в XIX–XX вв. оседлыми и полuosедлыми казахами Илийской долины. Если обратиться к планировке казахских зимовок, то и здесь наблюдается принцип объединения жилого помещения с двором-загоном для скота, характерный для недавних скотоводов [10, с. 112–115].

Новые раскопки дали интересную информацию о внутренней планировке дворов. Выяснилось, что это были не просто свободные участки-загоны для скота, а сложные комплексы с четким разделением помещений для крупного и мелкого рогатого скота, стойлами для лошадей, отапливаемыми отсеками для молодняка. В современных казахских зимовках сараи

во дворах также специализированы для различного вида скота, а для молодняка устраивались отапливаемые помещения. Как правило, выделялись сараи для верблюдов, коров или общий для тех и других; телят, быков и овец. Объединение жилья с двором-загоном характерно для кочевников, переходящих к оседлости, и свидетельствует о традициях кочевого быта, сохранившегося в оседлой и городской среде исследуемого района в средние века. Еще одним подтверждением этому является сочетание стационарных жилищ и юрты. Например, при раскопках загородного дворца X–XI вв. во дворе Краснореченского городища было найдено основание юрты. Две каменные выкладки оснований юрт обнаружены в Талгаре. Из этнографических наблюдений за жизнью оседающих кочевников известно, что у них наряду со стационарными домами еще долго в качестве летнего жилища использовалась юрта.

В Таласской долине выявлены так называемые городища с длинными стенами. Изучение аэрофотоснимков в сочетании с визуальными исследованиями позволило открыть вокруг двух городищ, расположенных в 30 км от Тараза-Каракенир-1 и Каракенир-2, длинную стену, когда-то ограничивавшую сельскохозяйственную округу. Возникает предположение о существовании своеобразного оазиса, который может быть отождествлен с местностью Кевакиб, упоминаемой в маршрутных Ибн-Хордадбега и Кудама. Сходную планировку имеет городище Торткультобе (средневековый город Нижний Барсхан): вокруг центральных развалин, отступая от них на 1,5–2 км, тянется длинная стена, окружавшая сельскохозяйственную территорию. В степной зоне Семиречья похожую топографию имеет Актобе Степнинское, расположенное при впадении Аксу в реку Чу. Городище окружено двумя кольцами стен: внутренние имеют диаметр 5,5 км, внешние – 10 км. Возведение длинных стен вокруг городищ относится к VII–IX вв. Они являлись не только крепостными сооружениями, но и символизировали рубежи, или «административно-полицейские границы города» [9, с. 92–93].

В источниках первой трети VII – середины VIII в. подчеркивается независимость каждого города и говорится, что у правителей городов Семиречья «по несколько десятков тысяч войска. Они живут смешанно в городах и селениях и часто воюют. Вообще же все землепашцы носят шлемы и щиты, берут друг друга в плен и обращают в рабство» [11, с. 90–93].

Следовательно, не только от кочевников возводились эти укрепления, и не только кочевые племена были деструктивной силой, замедлявшей поступательное развитие оседло-земледельческого хозяйства, но и сами земледельцы (в значительной мере недавно осевшие на землю кочевники), находившиеся под властью противоборствующих правителей. VII–IX вв. – это время существования в Южном Казахста-

не и последовательного падения под натиском извне Тюркешского, Карлукского, Огузского и Кимакского каганатов и феодальных междоусобиц внутри этих государств.

На основе подсчета количества разных типов поселений – укрепленных, неукрепленных и крупных городищ, с учетом средней площади, плотности застройки и количества домовладений на каждом типе памятников, принимая размер семьи в 5–6 человек, общее количество оседлого населения в только Илийской долине оценивается в 44–64 тысячи человек. Из них 13–18 тысяч человек проживало в неукрепленных сельских поселениях, столько же в укрепленных, около 1000 – в городищах-убежищах, остальное население проживало в крупных городах. Сельское население несколько превосходило по численности городское. Следует также учитывать и кочевое население, численность которого пока не определена [12, с. 74]. Аналогичные соотношения должны быть и в других районах Семиречья. В Южном Казахстане, учитывая большую степень его урбанизации, вероятно преобладание по численности городского населения. С учетом необходимости удовлетворять спрос горожан и кочевников на земледельческую продукцию можно утверждать, что земледелие обладало высокой степенью товарности.

Земледелие, будучи специфической и специализированной формой трудовой деятельности, отделенной от других ее видов, выработало комплекс терминов и понятий, который отражает многообразие трудовых операций, связанных с посевом, уборкой, хранением и переработкой урожая. Эти термины сложились еще в IX–X вв. и употреблялись огузскими и кимеко-кыпчакскими племенами и сохранились в словарях. Все они тюркского происхождения: экин – посев, бугдай – пшеница, тару (тарыг) – просо, арпа – ячмень, тутарган – рис, мерджамак – чечевица, ирдан – гумно [13, с. 336].

Таким образом, появление оседло-земледельческой культуры в изучаемый период в Присырдарьинском регионе связано с восстановлением с VII в. и продолжением местной линии развития хозяйства отарско-каратауской, каунчинской культур и государства Кангюй, которая была кратковременно прервана в VI – начале VII в. массовой инфильтрацией тюрок – кочевников из Центральной Азии. В VII–VIII вв. здесь наблюдается бурное развитие урбанизационных процессов, ирригационного строительства и земледелия. В разных районах Семиречья: Таласской, Чуйской, Илийской долинах, Приджунгарье развитие оседло-земледельческой культуры начинается позже, с VII–IX вв. и связано с седентеризацией кочевого населения вокруг ставок кочевых феодалов. К земледелию переходили обедневшие скотоводы – джатаки, не имевшие достаточного количества скота для ведения кочевого хозяйства в чистом виде. Со временем они стали играть существенную роль в социально-экономических процессах в регионе, поставляя продукцию полеводства и плодоводства на рынок для денежного или натурального обмена на продукцию ремесленников, экспорт в другие регионы.

В Южном Казахстане на протяжении всего средневекового периода наблюдается различное соотношение населения, занимающегося земледелием, и населения, ведущего скотоводческое хозяйство. Как вторжение кочевников-тюрок в VI в. привело к гибели древних земледельческих культур региона и установлению в качестве основного хозяйственного уклада экстенсивного скотоводства, так и нашествие монголо-татар в начале XIII в. остановило развитие средневековой оседло-земледельческой и городской культуры. Кочевое или полуоседлое скотоводство стало основным хозяйственным укладом. Некоторое ее возрождение происходит только в конце XIII – начале XIV в. в Присырдарьинском регионе. Своего наивысшего подъема земледелие достигает в X – начале XIII в.

Библиографический список

1. Савельева Т.В. Оседлая культура северных склонов Заилийского Алатау в VIII–XIII вв. – Алматы, 1994.
2. Вайнштейн С.И. Проблема происхождения и формирования хозяйственно-культурного типа кочевых скотоводов умеренного пояса Евразии // IX Международный конгресс антропологических и этнографических наук : доклады советской делегации. – М., 1979.
3. Салгарина К.К. К вопросу о кочевничестве // Шелковый путь и Казахстан : материалы научно-практической конференции. – Алматы, 1999.
4. Акишев К.А., Кушаев Г.А. Древняя культура саков и усуней долины реки Или. – Алма-Ата, 1963.
5. Нершахи Мухаммад. История Бухары / пер. Н.С. Лыкошина. – Ташкент, 1987.
6. Махмуд Кашгарский. Диван лугат ат-турк. – Стамбул, 1915. – Т. III.
7. Старков В. Краткое обозрение Киргизской степи в географическом, историческом и статистическом отношении. – Тобольск, 1860.
8. Агеева Е.И., Пацевич Г.И. Отчет Южно-Казахстанской археологической экспедиции // Архив Института археологии МОН РК. – Алма-Ата, 1953.
9. Байпаков К.М. Средневековые города Казахстана на Великом Шелковом пути. – Алматы, 1998.
10. Баскаков Н.А. Жилища приилийских казахов // Советская этнография. – 1971. – №4.
11. Зуев Ю.А. Китайские известия о Суябе // Изв. АН КазССР. Серия истории, археологии, этнографии. – Алма-Ата, 1960. Вып. 3 (14).
12. Байпаков К.М., Савельева Т.В., Чанг К. Средневековые города и поселения северо-восточного Жетису. – Алматы, 2002.
13. История Казахстана. – Алматы, 1993.